

П. В. ЕРНШТЕДТ

К КОПТСКОМУ ТЕКСТУ РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ

В издании О. Э. Лемма коптской версии романа об Александре¹ одно место вызывает недоумение. Это место читается в шестом фрагменте текста² и гласит следующее: $\eta\tau\alpha\iota\varsigma\sigma\alpha\iota$ [ηη] $\sigma\alpha\iota$ $\eta\tau\alpha\iota\lambda\alpha\omicron\eta\eta\kappa\epsilon$ $\rho\eta$ $\mu\epsilon\mu\iota\omicron\omicron\tau\epsilon$ [η] $\eta\kappa\alpha\beta\alpha\lambda$ $\rho\mu$ $\mu\eta\eta\lambda\alpha$. Издатель переводит: „Ich habe geschrieben das Schriftstück meines Testamentes unter Tränen meiner Augen mit Tinte“³. Недоумение относится к смысловому составу перевода: неужели говорившему приходилось верить своего собеседника в том, что при написании текста завещания писавший его пользовался чернилами? К этому присоединяется другое недоумение: неужели справедлив перевод „unter Tränen meiner Augen“? За предлогом $\rho\eta$ такое, сопроводительное, значение неизвестно. Исконное, местное значение предлога также недопустимо: было бы нелепо переводить „в слезах моих глаз“ в смысле „внутри слез моих глаз“! Остается еще взвесить возможность обозначения предлогом средства данного действия, — считать его выразителем того же, что выражает наш творительный падеж. Получится перевод: „я написал это писание моего завещания слезами моих глаз, чернилами“ — явная нелепица. Вероятно, именно смысловая противоречивость этого перевода, с которым мы считаемся только ввиду его допустимости со стороны грамматических значений предлога, привела О. Э. Лемма к переводу „unter Tränen“, оправдать который, однако, как сводящийся к комитативному пониманию предлога, при общеизвестном значении как предлога, так и существительного, нет возможности. Ясно только, от чего отталкивался О. Э. Лемм, давая этот перевод, — от нелепости оформления „mit den Tränen meiner Augen mit Tinte“! А между тем, значение творительного падежа — это именно то значение, которое напрашивается в первую очередь, когда речь идет о действии писания, и когда тут же упоминаются чернила, как материал для писания. Но ведь все дело в том, что чернила — естественный материал для писания, а слезы только в конце концов мыслимый, но весьма неестественный материал, и что при упоминании процесса писания, происшедшего естественным способом, неизбежно мыслится — но могло быть и особо подчеркнуто, — что применение естественного материала на этот раз отпадало. Если это рассуждение справедливо, то высказать его применительно к нашему случаю значит пред-

¹ O. L e m m. Der Alexanderroman bei den Kopten. St. Pétersbourg, 1903.

² Ibid., S. 12, fragm. 6 (verso), 13—15.

³ Ibid., S. 87—88.

положить, что при слове „чернилами“ первоначально читалось отрицание. Итак, дополним его! Дополнить его значит вставить в текст только две буквы: **ΔΠ**. Вставив эти две буквы в качестве отрицания, мы получим перевод: „я написал мое завещание¹ слезами моих глаз, (а) не чернилами“. Это очень мало походит на поэзию, но логически оспариванию не подлежит. Не подлежит это оспариванию и филологически. Конъектура конъектуре рознь. Наша конъектура подсказывается не только соображением смысловой связи. Самый буквенный состав рукописного предания идет ей навстречу. Если мы заглянем в коптский текст следующего же предложения, то увидим, что оно начинается, в совершенно неотъемлемой своей части, таким же сочетанием двух букв, какое мы только что дополнили. Полагаем, что перед нами один из обычных типов ошибок переписчиков рукописей: аплографический пропуск букв.

Настоящее место коптской версии сказания об Александре воспроизводит образное выражение, встречающееся как в греческих, так и в коптских источниках в виде следующих вариантов двух основных типов оформления:

А) в одном типе невозможное высказано грамматически и семантически адекватным образом, т. е. при помощи ирреально-условного сложноподчиненного предложения, начинающегося словами: „если бы было возможно...“, а оканчивающегося высказыванием ирреально обусловленного следствия;

В) в другом типе оформления (не содержащем придаточного предложения) несбыточное высказывается в оформлении на изъявительное наклонение аориста, причем характер высказывания как сознательной небывлицы вытекает только из его расценки по самому вопросу о его осуществимости, но отнюдь не из языковой формы.

Вот все мне известные примеры того и другого оформления:

А

1) Urkunden der k. Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Bd. 4, 1912, № 1141, частное письмо 13 г. до н. э.

Οἷαν γὰρ ὕβριν μοι πέποιθεν. . . Ἦ ἦν δάκρυά σοι γράφειν, γεγραφήκειν ἂν ἀπὸ τῶν δακρύων — „Какое он учинил надо мной насилие. . .; если бы было возможно письменно сообщать тебе слезы, то эти слезы успели бы мне послужить материалом для написания настоящего письма“.

2) Варсануфий и Иоанн, Вопросыответы (VI в.), издал Агиорит Никодим², стр. 122, σκῆ: Εἰ ἐδύναμην γεμίσαι δακρύων ταῦτα τὰ γράμματα καὶ πέμψαι σοί, τῷ σουτὸν θλίψαντι, συνέφερον ἂν — „Если бы я мог наполнить слезами это письмо и послать его тебе, огорчившему себя самого, то это принесло бы пользу“.

3) Коптское письмо VI в. н. э. на известняке, хранящееся в Московском Гос. музее изобразительных искусств, № 5425³: **ενεοτη шбоμ есдаг рmein ги ашадом ехартис, пенамер фепистолн нтахоотс шаро[[я]]тн**. — „Если бы было возможно письменно заносить слезы и вздохи на папирус, то я наполнил бы (ими) это письмо и отправил бы к Вам“.

¹ Дословно: „я написал писание (= текст) моего завещания“.

² Βιβλος ψυχοφελεστάτη περιέχουσα ἀποκρίσεις διάφοροις ὑποθέσεσιν ἀνηκούσας συγγραφεῖσα μὲν παρὰ τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν Βαρσανουφίου καὶ Ἰωάννου, ἐπιμελῶς δὲ διορθωθεῖσα. . . παρὰ . . . Νικοδήμου Ἀγιορείτου. . . Ἐνετίησιν, 1816.

³ Английский перевод в книге The Monastery of Epiphanius at Thebes. P. 1, 2. Edited by Winlock, Crum and Evelyn White. New York, 1926. В частности: p. 2, стр. 172.

В

1) Acta martyris Anastasii Persae graece primum edidit Hermannus Usener. Bonnae, 1894, p. 15b, 20 сл.: Ἐποίησεν ἑαυτῷ ἄλοῦταν τὴν συνείδησιν, γραφεῖον τὸν στεναγμὸν καὶ τὰ δάκρυα μέλαν. Рукопись дает чтения: ἑαυτὸν вместо ἑαυτῷ, γλώττη вместо ἄλοῦταν, γράφω вместо γραφεῖον, а под конец: τὰ δάκρυα τὸ μέλαν. Такое искажение текста было, разумеется, возможно только при полном его непонимании переписывавшими. Латинская версия гласит: Facit sibi charta<т> conscientiam, stilum gemitum, et lacrimas atramentum (рукописи дают чтения charta, stilo). Перевожу греческий текст: „Он сделал себе сознание пергаменом, вздох — стилем, а слезы — чернилами“. Ср. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву¹: „...вздохи, колющие предтечи скорби“.

Сюда же, очевидно, примыкает и наш коптский текст сказания об Александре.

Сюда же — и наша современная частушка².

Напишу письмо слезами,
запечатаю тоской,
отошлю по телеграмме,
прочитай, мой дорогой.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, стр. 249.

² Сообщена мне в 1942 г. П. Г. Ширяевой.